

Ю.А. Сорокин

Институт языкознания Российской Академии Наук, г. Москва

Yu.A. Sorokin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

АНТРОПОСЕМИОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ИХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

ANTROPOSEMIOLOGY: BASIC CONCEPTS AND THEIR PRELIMINARY INTERPRETATION

Ключевые слова: антропосемиология, значение, эгостиль, политекст, гипертекст, язык

Keywords: antroposemiology, meaning, egostyle, polytext, hypertext, language

В статье рассматриваются актуальные проблемы антропосемиологии в рамках вербально-невербального поведения некоего субъекта.

The article deals with problems of antroposemiology in verbal and nonverbal behavior of a subject.

Антропосемиологию, по-видимому, следует понимать как такую смежную/стыковую дисциплину, в рамках которой изучается вербальное и невербальное – узуальное и незуальное (девиантное) – поведение некоего субъекта, существующего не в однородной, но в разнородной и полифункциональной знаковой среде, характерной для современных лингвокультурных общностей (ориентирующихся, как полагает П.Сорокин, на чувственные ценности). Иными словами, нынешний человек живет среди семиотических ландшафтов (семиоценозов), которые несводимы друг к другу (нетранспонируемы) и которые в зависимости от генотипической структуры личности (психобиологического типа) оказываются в разной мере комфортными для нее. В связи с этим в рамках антропосемиологии особое значение приобретает изучение психотипических образов: акустических, фоносемантических, коннотативных и аксиологических эквивалентов этих семиоценозов (или их фрагментов), составляющих то, что называют «картиной мира».

Целесообразным представляется также указать, что значение как антропоцентрическая (антропофилическая) данность нерелевантно для антропосемиологии, в которой базовыми являются понятия представления и смысла. Причем, возможно следующее истолкование этих понятий: представление – это любой психотипический образ (идиообраз; любое идиозначение, любая идиокогитема, любой идиоаффект, любая идиоэмоционема), смысл – совокупность усредненных идиообразов

(идиокогитом и идиоэмоционом), а значение есть не что иное, как указание на те или иные классы этих совокупностей. В силу того, что смыслы, а, тем более, представления – вариабельны, идиообраз следует рассматривать в качестве антропосемиологической единичности, контрастирующей с некоторой другой единичностью (иными словами, важны антропосемиологические контрастивные паспорта).

(ПРИМЕЧАНИЕ: Антропосемиология – это, прежде всего, контрастивика, чьей задачей является выявление знаковых сходств и различий. Она преимущественно герменевтична, а не лингвистична).

Если принять вышеизложенные допущения, то тогда можно интерпретировать понятие идиостиля (идиолекта) следующим образом: это эгостиль (эголект), который следует рассматривать как совокупность речевых и неречевых поступков, предопределяемых личностным сценарием поведения. В свою очередь, эгостиль (эголект) есть пересечение иерархически организованных когнитивно-когнитивных и эмотивно-коннотативных блоков, являющихся, по-видимому, локусом порождения новых креативных (в том числе и девиантных) связей.

(ПРИМЕЧАНИЕ: Это пересечение, очевидно, следует рассматривать и как центр эмоциональной (эмотивной) реверберации, порождающей соответствующие семиологические (семасиологические) эффекты). Эгостиль есть также когниотип (эмо-коннотип), или, иначе говоря, некоторый «жанр» (совокупность функционально-прагматических полей), изучение которого предполагает движение по цепочке текстовый модуль → текст → конструкт → когниотип → текстотип (термины «текстовый модуль и текстотип» предложены А.Г. Барановым (Баранов, 1993)).

(ПРИМЕЧАНИЕ: Задачи, которые предполагается решать в рамках антропосемиологии, требуют пересмотра и дополнения грайсовских (и иных) постулатов общения. Например, принцип Сотрудничества (А.Г. Баранов называет его принципом Взаимодействия) следовало бы «усилить», назвав его принципом Симбиотичности. В список постулатов общения необходимо включить и тот постулат, который можно было назвать локус-постулат (топос-постулат) и который предусматривает описание достаточно релевантных для носителя «языков» пространств, в которых эти «языки» локализируются).

(ПРИМЕЧАНИЕ: В толковании понятия пространства целесообразно опираться и на соображения М.М. Бахтина, и на соображения А. Пиза. Вторые, по-видимому, предпочтительнее).

Немаловажную роль в изучении эгостиля следует отводить иэнтимемной концептуалистике (так же как и энтимемной эмотивистике) – совокупности формальных, полупоформальных и семантических средств выражения умозаключений и эмоций. Показательно, например (Никитина, 1994), что энтимемы могут быть сгруппированы в три класса : класс стандартной слабой суггестии, класс нестандартной сильной суггестии и класс нестандартной сверхсильной суггестии. Заслуживает упоминания и тот факт, что маркеры энтимем (операторы энтимем) существуют в двух формах

– в форме сильной четкости (формальные и полуформальные маркеры) и в форме слабой четкости (семантические/концептуальные маркеры), причем возможно построение шкал энтимемной четкости в двух «языках».

(ПРИМЕЧАНИЕ: Продуктивным представлялось бы выявление операторов и построение шкал четкости в таких важных сферах антропосемиологии, как снолекты и фиелекты от англ fear – страх).

Показательно также, что общеутвердительные умозаключения модуса БАРБАРА, существующие в форме языковых высказываний с отрицательными маркерами, указывают на то, что этот модус является, прежде всего, модусом маскировки, точнее говоря, маскирующимся модусом, позволяющим языку и индивиду-носителю языка играть вербально-логическими противоречиями, неточностями, намеками, правдой и ложью. Но не менее вероятна и игра вербально-эмотивными, невербально-логическими и невербально-эмотивными неточностями и намеками.

Схождения и расхождения между технологией концептуалистики (эмотивистики) и технологией языка – если они представлены операционально, в виде определенного набора элементов или отсутствия части его – свидетельствуют – эксплицитно или имплицитно – о наличии или отсутствии связей между семиологическим и мыслительным материалом. Именно такой подход позволит (и может быть, в недалеком будущем) составить, хотя бы в предварительном порядке, представление о мере подобия (или неподобия) мыслительного (ментального) и семиологического поведения.

(ПРИМЕЧАНИЕ: О сознании, его формах, типах и качествах, а также о способах его изучения см.: Ю.А. Сорокин. Этническая конфликтология. – «Русский лицей», Самара, 1994).

Если рассматривать сознание как многоярусный семиологический феномен, то весьма полезным окажется изучение его в духе психокогнитивного подхода, предлагаемого В.П. Беяниным (Беянин, 1992). Особенно важными в этой связи оказываются выделяемые им маркеры «светлых», «активных», «веселых», «красивых» и «простых» текстов (а, тем самым, и маркеры «светлых», «активных», «веселых», «красивых» и «простых» психотипических образов).

(ПРИМЕЧАНИЕ: «Простой» текст («простой» психотипический образ) – это, по-видимому, текст (образ), в котором потеряна функция различения ценностей. Отталкиваясь от понятия «нулевого письма» Р. Барта, такой текст (образ) можно рассматривать как текст (образ) с нулевой характерологией – нулевой сенсильностью, что оправданнее и важнее, ибо эта характеристика прямо указывает на состояние антропосемиологического профиля (личностного портрета) коммуникатора и реципиента).

Столь же важное значение, на мой взгляд, приобретает рассмотрение маркеров текстов в качестве эмоционально-смысловых и когнитивно-аксиологических доминантных ключей, позволяющих эффективно диагностировать и сами тексты, и коммуникаторов, и реципиентов. В частности, анализ «простых» текстов позволяет считать их эпилептоидными,

галлюцинаторными, «сумеречными и вязкими», сниженными стилистически, а анализ «сложных» – позволяет считать их «шизофреническими», «аутистическими», рассудочными и символическими.

(ПРИМЕЧАНИЕ: Рассмотрение психотипических образов в качестве доминантных ключей также обещает, по-видимому, не менее интересные результаты. Несомненен и тот факт, что оба вида ключей позволяют решить вопрос о доминантном реферировании и доминантном компрессировании коммуникатов, представляющих, пусть опосредованно и неполно, те или иные формы ментального существования (например, идеациональные, идеалистические и чувственные формы)).

Еще одной актуальной проблемой, которую придется решать в рамках антропосемиологии, является проблема гипертекста (гиперобраза) – вербального и невербального. Обычно считают, что гипертекст (гиперобраз) – это совокупность текстов, частично подобных друг другу в когитивно-когнитивном и эмотивно-коннотативном отношении. Целесообразнее же считать, что гипертекст (гиперобраз) – это политекст (полиобраз), латентный или реальный. Политекст (полиобраз) может существовать в двух формах – в форме текста (образа)-ретикуляроида, если он «конструируется» в рамках текстово-ретикуляроидной системы (системы, ориентированной на сетевое сопоставление и соединение текстов (образов) как когитивно-когнитивных и эмотивно-коннотативных подобий) и в форме текста (образа)-аксиоида, если он конструируется в рамках текстово-аксиальной системы (системы, ориентированной на осевое сопоставление и соединение текстов образов)). В настоящее время эти две системы становятся частью той гиперсистемы, которую можно было бы назвать компьютерно-биоидной, предполагающей сосуществование амбивалентно ориентированной коги-тологии, когнитологии, коннотативики и эмотивистики.

(ПРИМЕЧАНИЕ: Усложнение структуры семиоценозов, несомненно, должно учитываться исследователями, ибо на семиологических ландшафтах все больше распространяются тексты (образы)-компьютоиды и тексты (образы)-схолистивы, или, иными словами, тексты (образы) интерпретативно-дейктического (уточняюще-комментирующего) характера. В связи с этим немаловажное значение приобретают когитивно-когнитивный и эмотивно-коннотативный комфорт (и, тем самым, особо интересными окажутся, по-видимому, вопросы совмещения хомофильной когитологии и когнитологии, коннотативики и эмотивистики с компьютерофильной – совмещения, с одной стороны, тех базовых элементов, которые целесообразно рассматривать как антропосемиологические «гены», и, с другой стороны, тех элементов, которые целесообразно рассматривать как компьютерно-биоидные «гены»).

(0,25 п.л.)